ВОПЛЬ

ДЩЕРИ ІУДЕЙСКОЙ.

Сочиненіе

ЛЕЙБЫ НЕВАХОВИЧА.

Съ Указнаго дозволенія.

Санктпетербургъ,
печатано въ привилегированной Брейткопфовой Типографіи,
1803го года.

Отъ Сочинителя:

Любовь къ ГОСУДАРЮ и къ Отечеству, восхищеніе о нынѣшнихъ просвѣщенныхъ временахъ, — удовольствіе и нѣкоторый родъ любочестія и гордыни, что могу наименовать Россіянъ соотчичами — и соболѣзнованіе, снѣдающее мою душу въ разсужденіи моихъ единоплеменниковъ; — вотъ изображеніе духа, который водитъ здѣсь слабымъ перомъ моимъ! —

ЕГО СІЯТЕЛЬСТВУ

Господину

дѣйствительному Тайному Совѣтнику,

внутреннихъ дѣлъ Министру,

и

разныхъ орденовъ Кавалеру,

ГРАФУ

ВИКТОРУ ПАВЛОВИЧУ КОЧУБЕЮ

Милостивому Государю.

поляхъ ратныхъ. — Юный, но мудрый и благотворный Монархъ нашъ чрезъ Патріотовъ проницаетъ во всѣ части Имперіи толико пространной и разнообразной въ физическомъ и моральномъ состояніи, — проницаетъ, — и все оживляется. Сколько сими предметами возвышается душа моя, столько уничижается она прискорбіемъ моихъ единоплеменниковъ, отвергаемыхъ отъ сердецъ соотчичей ихъ. Ощущая въ себѣ таковыя движенія, произведенныя двумя противными между собою впечатлѣніями, я осмѣлился изобразить слабымъ перомъ моимъ изліяніе моихъ чувствъ, которое извѣстно будетъ подъ именемъ Вопля дщери Іудейской. Я почитаю за величайшее счастіе посвятить сіе сердечное мое изліяніе высокому имени Вашего Сіятельства, миротворца внутри Россіи.

Сіятельнѣйшій Графъ! удостойте сіе мое всеусерднѣйшее приношеніе благосклоннаго пріятія! — Я льщусь; — едино мановеніе руки Вашей можетъ сближать сердца вѣками и свойствами раздѣленныя. . . . !

Сіятельнѣйшій Графъ!

МИЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРЬ!

ВАШЕГО СІЯТЕЛЬСТВА

всенижайшій и всепокорнѣйшій слуга

Лейба Неваховичъ.

По что сѣтуешь нынѣ, дщерь Іаковля? — чего тебѣ не достаетъ? — возвѣсти! — Не созерцаешь ли ты того же Солнца, какъ и иноплеменные? — Лучи его согрѣваютъ всѣхъ вообще. — Стопы твои не попираютъ ли ту же злачную землю, какъ и другіе? — Не пользуешься ли ты тѣмъ же воздухомъ, тою же жизнію, тѣмъ же общежитіемъ, какъ и иные обитатели полушара земнаго? — возвѣсти! —

Ахъ! — нѣтъ, не сіе смущаетъ меня, — вопіетъ дщерь Іаковля, — увы! я упадаю духомъ, я уничижена предъ лицемъ земли; я изключена изъ той связи, каковою пользуются другіе подсолнечные обитатели; я теперь себя не узнаю. — Но прежде, нежели возвѣщу всю тоску мою, внемлите мнѣ земныя племена, или вы паче, — возлюбленные Россіяне! —

Къ вамъ преимущественно обращаюсь; предъ вами осмѣливаюсь отверсти уста мои; — предъ вами, снисходительные и непоставляющіе себѣ за стыдъ быть собесѣдниками съ несчастною дщерію Іизраиля, не взирая на то, что я другаго племени, закона и униженнаго жребія; — предъ вами, которые лишь только узрѣли лучи просвѣщенія; то въ то же самое мгновеніе исполнились духа терпимости; предъ вами я изливаю сердце мое.

Такъ; — находясь въ безднѣ ничтожества, я видѣла благодѣтельнаго сына вѣчности, протекшій 18й вѣкъ, вѣкъ человѣколюбія, вѣкъ терпимости, вѣкъ кротости, вѣкъ, въ который знатные и сильные стали слушать истинну, повѣствуемую людьми малыми и слабыми, вѣкъ безпримѣрный въ Исторіи, вѣкъ, который возвелъ Россію на вышнюю степень благополучія, — Россію, которою я принята, какъ дщерь. Потомъ обра-

щаю взоръ на улыбающуюся весну нынѣшниго Столѣтія, коего начало увѣнчано возстановленіемъ спокойствія въ Европѣ, и возшествіемъ на Престолъ АЛЕКСАНДРА милосердаго, держащаго въ десницѣ своей факелъ человѣческаго благоденствія. Духъ мой воспаряетъ превыше звѣздъ, и чувства мои расширяются на подобіе горизонта. Я вспомнила, что я *человѣкъ*, и сего уже довольно къ моему ободренію.

И такъ, съ единой стороны великодушіе ваше, Россіяне, а съ другой унылый духъ моихъ единоплеменниковъ производятъ во мнѣ тѣ чувствія, которыя силюся здѣсь изобразить. Двѣ противуположныя причины рождаютъ во мнѣ едино движеніе. Первая ободряетъ, а вторая понуждаетъ.

Чтобы не смотрѣть равнодушно на человѣка себѣ подобнаго, на брата, котораго Создатель есть общій всѣмъ отецъ,

на подданнаго живущаго вкупѣ, котораго Государь есть равно общій нашъ отецъ, — какая можетъ быть сему причина? — не различіе ли въ законоисповѣданіи и мнѣніи о вѣчныхъ истиннахъ? . . . . О! — противъ такой причины я не нахожу нужнымъ дѣлать возраженіе, имѣя на своей сторонѣ всѣхъ мудрыхъ, и вѣдая, что даже собственный разсудокъ того, который бы утверждалъ оную, не изключается изъ числа держащихъ мое мнѣніе. Природа вопіетъ противъ слабаго гласа такой неосновательной причины, — и сія изчезаетъ, уничтожается. Малыя невинныя дѣти, сколько бы различныхъ вѣръ ни были ихъ родители, играютъ между собою безъ всякой вражды, лобызаютъ другъ друга безъ малѣйшей однаго къ другому ненависти; но увы! они начинаютъ говорить, и родители разлучаютъ ихъ, разлучаютъ на вѣки. Тотъ самый Христіянинъ, который въ младенчествѣ своемъ толь ласково игралъ съ

младенцемъ Іудейскимъ возмужавъ, ненавидитъ уже своего друга, онъ дѣлается ему врагомъ непримиримымъ; — по чему же? — Пускай разумные продолжаютъ. — Я прошу токмо благосклоннаго вниманія людей просвѣщенныхъ; со слезами прошу ихъ благоволенія.

Кто изъ смертныхъ не любитъ истинны? — Самый лжемыслящій человѣкъ, который употребляетъ всѣ ухищренія, для удовлѣтворенія своей страсти, и который ради достиженія малѣйшей своей выгоды попираетъ истинну, самый безсовѣстный, говорю, тогда токмо бываетъ нечувствителенъ къ оной, когда самолюбіе ослѣпляетъ глаза его. Но, есть ли тотъ же самый человѣкъ видитъ несправедливость, творимую другимъ кѣмъ либо: то раздражается, и пріемлетъ сторону невиннаго. Ни что на свѣтѣ столь человѣка не раздражаетъ, не смущаетъ, и не приводитъ въ стыдъ, какъ

уличеніе его въ несправедливости. — Да-
же между губителями и извергами рода
человѣческаго иногда наблюдается спра-
ведливость въ особыхъ ихъ сношеніяхъ.

О истинна! сколь ты пленительна! колико сила твоя не преоборима! — Но почему мы столь много отступаемъ отъ нее? — Можетъ быть она горделива, и не открывается смертнымъ? — Нѣтъ; — сія Богиня столь кротка и проста, что является каждому на гласъ разума; — на гласъ разума, повторяю, которому мы должны слѣдовать, не выходя изъ стезей его ни на шагъ; — иначе же мы ее не видимъ; быстрѣе молніи улѣтѣвъ, скрывается, и гдѣ она? . . . внѣ горизонта нашего! — Такъ, — естьли мы желаемъ слѣдовать истиннѣ, то прежде должно свергнуть съ себя всѣ предувѣренія, какія только вкрались въ насъ по тому, что причиною ихъ были не тѣ правила, по которымъ оная пріобрѣтается.

Истинна всегда почти стоитъ предъ глазами нашими, и, кажется, что мы уже ее ощущаемъ, но какъ бы стыдясь просто къ ней приблизиться, стараемся употреблять какіе то извороты и дальнія изысканія, которыми на противъ мы нарочито ее затмѣваемъ, и вмѣсто истинны, въ обьятія которой мы спѣшить готовились, находимся во мракѣ заблужденія. —

Мнѣ кажется, естьли бы человѣкъ въ малолѣтствѣ своемъ, когда еще физическое и моральное его существованіе начинаетъ только развиваться, не упоился ложными понятіями о всѣхъ тѣхъ предметахъ, о которыхъ онъ начинаетъ вопрошать самаго себя по врожденному любопытству, начинающему возрастать вмѣстѣ съ разумомъ; — естьли бы не упоился тогда, говорю, оными чрезъ воспитаніе и примѣры, толь глубоко въ гибкое его сердце впечатливающіеся, а на

противъ того имѣлъ бы счастливый случай получить понятія о сихъ предметахъ въ настоящихъ ихъ видахъ: то таковый счастливый человѣкъ, достигнувъ зрѣлости разума, не правильнѣе ли бы разсуждалъ, и узнавалъ истинну, нежели утопающій въ заблужденіяхъ и умственности кичливыхъ Философовъ? — Не держался ли бы онъ той главной истинны, что бы не почитать истинною того, чего не изслѣдовалъ чрезъ собственный и опытный разумъ? — Сего уже довольно (1). — Но увы! кто имѣетъ такое воспитаніе? — Воспитатели сами вовлечены въ заблужденіе подобнымъ образомъ. Наши предразсудки, заглушающіе гласъ разума, будучи еще поддерживаемы гордостію и другими страстьми, столь заградили намъ путь къ истиннѣ, что доступъ къ ней здѣлался чрезвычайно труд-

(1) Даже между учеными рѣдко можно найти такихъ, кои бы держались сего правила, толико естественнаго и простаго.

нымъ, и сіе затрудненіе не есть дѣй-
ствіе отдаленности ея, но оно требуетъ
только силъ къ разогнанію нашихъ пред-
разсудковъ, затмѣвающихъ оную. Алек-
сандръ разсѣкши узелъ, рѣшилъ задачу,
которой не могли рѣшить ни какія умо-
отвлеченныя хитрости.

Правда, что въ познаніи отдаленныхъ
истинъ, для изслѣдованія коихъ крат-
кая жизнь наша, исполненная заботъ,
не достаточна, мы принуждены посту-
пать иначе. — Нѣкоторые однакожъ ста-
раются испытывать оныя, а прочіе
только полагаются на ихъ рѣшеніе. На
примѣръ, мы полагаемся на вычисленіе
Астронома въ разсужденіи движенія и
разстоянія планетъ, не изслѣдовавъ сами,
справедливо ли онъ утверждаетъ, или
нѣтъ? — ибо мы иначе не можемъ того
узнать, какъ изучившись сами Астроно-
мической Наукѣ, и прибѣгнувъ ко всѣмъ
тѣмъ опытамъ, которыми повѣствую-

тій Астрономъ тщится насъ убѣдить; равнымъ образомъ полагаемся и на повѣствованіе путешественниковъ, или испытателей Натуры, и такъ далѣе. — Но познаніе сихъ истиннъ, о коихъ я теперь говорю, должны относиться конечно къ намъ самимъ; естьли намъ ихъ открываютъ не въ настоящемъ видѣ: то въ семъ случаѣ не иное какое терпимъ зло, какъ то, что бываемъ обмануты. Кто хочетъ вывести себя изъ сомнѣнія: тому надлежитъ посвятить всю свою жизнь и труды на познаніе подлинности оныхъ. Ежели же кто не столь дѣятеленъ и самолюбивъ, чтобъ въ разсужденіи сего предпринимать такіе труды: то значитъ, что онъ прощаетъ ту обиду, причиненную ему; хотя онъ и въ самомъ дѣлѣ обманутъ повѣствованіемъ. И такъ, изслѣдованіе таковыхъ истиннъ есть *произвольное*, ибо мы имѣемъ власть прощать обиды, причиненныя намъ. Но истинны, которыя относятся къ обвиненію дру-

тихъ, требуютъ собственнаго и рачительнаго изслѣдованія, поелику мы не имѣемъ права напрасно и произвольно обвинять кого либо. Изслѣдованіе сихъ истиннъ есть *непремѣнное.* И такъ, когда дѣло касается до обвиненія другаго: — тогда мы должны изслѣдовать оное по всѣмъ строгимъ правиламъ разсудка.

Естьли желаемъ въ сердцахъ нашихъ рѣшить участь цѣлаго народа, естьли желаемъ въ мысляхъ нашихъ исключить кого либо изъ круга Человѣчества: то не должны вдругъ заключать сего ужаснѣйшаго приговора, не здѣлавъ прежде строжайшаго о томъ изысканія; поелику иначе непростительно грѣшимъ противъ другихъ и противъ самихъ себя. — Человѣкъ! — естьли твой умъ не помраченъ предразсудками: то внемли гласу его! — Прежде, нежели начнешь обвинять кого либо, приклони слухъ твой къ его спасительному вопросу: „*на чемъ основываешь*

осужденіе своего ближняго?" Не мнишь ли удовлѣтворить его такимъ отвѣтомъ; *"на томъ, что тотъ то сказалъ, что тотъ то написалъ?"* — Изъ чего же ты узналъ, что тотъ то говорилъ, или написалъ справедливо? — Можетъ быть онъ самъ не увѣренъ въ подлинности имъ сказаннаго? — Можетъ быть онъ такъ говоритъ, или пишетъ по злобѣ, или по какимъ ни будь другимъ пристрастіямъ? — Ежели же ты самъ многократно видалъ у-такіе примѣры, которые, кажется, утверждаютъ справедливость слышаннаго; то надобно еще разсмотрѣть, не случайность ли была дѣйствіемъ мнимыхъ твоихъ примѣровъ, и не увеличиваются ли оные въ глазахъ твоихъ по мѣрѣ, какъ ты расположенъ думать о нихъ? — Но весьма должно при такихъ случаяхъ остерегаться, что бы не имѣть отношенія отъ части къ цѣлому и проч. . . .

Любезный слушатель! кто бы ты таковъ ни былъ: не требуй отъ меня

порядка! не требуй отъ меня правилъ!
не взыскивай съ меня за недостатки въ
оныхъ! — Я не для того вѣщаю, что бы
вывесть себя въ пышности на сцену. —
Можетъ ли тщеславіе имѣть мѣсто въ
сердцѣ уныломъ и сокрушенномъ? —
Нѣтъ! — я здѣсь изливаю токмо ту го-
ресть, которою чрезъ мѣру наполнена ду-
ша моя. — Естьли хотя между десятью
тысячами человѣкъ найдется одинъ, ко-
торый приметъ участіе въ моемъ стра-
даніи: то сіе весьма довольно къ облег-
ченію тяжести моей скорби. — Іудей-
ское племя осуждено многими умами къ
презрѣнію. Одно имя *Іудей* производитъ
уже въ произносителѣ и слушателѣ она-
го нѣкое странное и необычайное дви-
женіе. Имя сіе учинилось поноснымъ,
презрѣннымъ, поруганнымъ и нѣкіимъ
страшилищемъ, для дѣтей и скудоум-
ныхъ. О Христіяне, славящіеся кро-
тостію и милосердіемъ! — имѣйте къ намъ
жалость! — обратите къ намъ нѣжныя

сердца ваши! . . . Что? — уже ли мы не достойны лучшаго имени? — Есть либъ мы и отвергли свой законъ, чтобъ уравняться въ правахъ: то здѣлались ли бы чрезъ то достойными? — Развѣ еще не услышанъ гласъ знаменитаго Іудейскаго писателя Мендельсона (2), который взываетъ къ послѣдователямъ Іисуса! (3) „Покажите намъ путь и по„дайте намъ въ руки средства, чрезъ ко„торыя мы здѣлаемся лучшими людьми „и гражданами; — отступать же отъ „закона нашего съ доброю совѣстію мы „не можемъ; и такъ какую пользу при„несутъ вамъ собратія безъ совѣсти? —“ И развѣ вы не внемлете убѣдительнымъ его словамъ, каковыми онъ упрашиваетъ земныхъ Владыкъ: (4) „Оставьте намъ „свободу мыслить и говорить по закону,

---

(2) Жившій въ Берлинѣ. Родился 1729 го, а умеръ 4 го Генваря 1785 го года.

(3) Смо Мендельсоновъ Іерусалимъ.

(4) Тамъ же.

„доставшемуся намъ въ наслѣдіе отъ „Праотцевъ нашихъ. Кто не нарушаетъ „общественнаго благополучія, кто по- „ступаетъ согласно гражданскимъ пра- „вамъ: тому оставьте спокойно гово- „рить такъ, какъ онъ мыслитъ, призы- „вать Бога по своему, или предковъ его „мнѣнію и искать блаженства тамъ, гдѣ „уповаетъ оное найти.“ — Изъ чего же заключаете, что Еврейскій народъ заслу- живаетъ презрѣніе? — по чему вы съ та- кою рѣшимостію отвергаете оный отъ сердецъ вашихъ? — „*Какъ!*“ — съ пре- зрѣніемъ говорите мнѣ: — „*мы слышали* „*объ немъ худыя повѣсти отъ вѣрныхъ лю-* „*дей, мы читали книги, въ которыхъ объ* „*немъ такимъ же образомъ написано мы* „*полагаемся на общій гласъ народовъ,* „*которые чрезъ нѣсколько вѣковъ обвиняютъ* „*сіе племя.* —“ Остановитесь! — не о- суждайте такъ скоро! — Нѣтъ ни чего столь неимовѣрнаго, какъ свидѣтельство народа. Ибо народъ ни когда не бываетъ

самовидцемъ того, о чемъ онъ часто шумитъ. Одинъ отъ другаго слыша нелѣпое, пересказываетъ другому еще съ приращенiемъ; другъ старается похвалить, а врагъ похулить. Безчисленное множество различныхъ въ народѣ страстей и склонность его къ чрезвычайностямъ совершенно обезображаютъ видъ случившагося какого ни будь происшествiя. — Многiе предметы, которые противны его нраву, оставляетъ; а многiе, которые сходны съ его расположенiемъ, прибавляетъ. Сколько вымышленныхъ басенъ выдается за истинныя по тому только, что оныя давно уже разсказываются! — Народъ имѣетъ такое же общее самолюбiе, по которому онъ стыдится признавать свои нелѣпости, но защищаетъ ихъ всѣми образами, не гнушаясь даже употреблять къ тому и усилiе. Не уже ли ложные древнiе Боги могли почесться истинными по тому, что многiе народы признавали ихъ за таковые чрезъ нѣсколько

вѣковъ? — *Вѣрные люди вамъ разсказыва-ютъ!* — развѣ то не извѣстно, что они могли быть обмануты, какъ по существу и образу самаго дѣла, такъ и по собственнымъ пристрастіямъ? — Статься можетъ, что они желали удивить васъ таковыми разсказами, столь занимательными для любопытныхъ? — статься можетъ, желали показать въ себѣ искусныхъ наблюдателей человѣческихъ нравовъ? — Кто же можетъ изчислять всѣ тѣ страсти, кои бываютъ причиною того, что и вѣрные люди не рѣдко повѣствуютъ несправедливое? — Посмотрите съ какою искренностію писалъ о семъ народѣ путешественникъ вашъ (5)! —

Вѣки — народы — обвиняютъ Іудеевъ — но по чему же не обвиняютъ они ихъ единообразно? — Обратите вниманіе на Исторію — и — увидите многія противорѣчія; то обвиняютъ ихъ въ чаро-

---

(5) Зри письма Русскаго путешественника.

дѣйствѣ (6), то въ невѣріи, то въ суевѣріи . . . . Вѣки не успѣли еще открыть тщеты умысловъ противъ нихъ, какъ уже наступали новые. Подобно звеньямъ неразрывной цѣпи соединены оные къ утѣсненію только сего народа, подобнаго жребіемъ своимъ несчастному сыну, страждущему среди семейства ненавидящаго его. Братья его толкуютъ всѣ его поступки въ худую сторону; и естьли, когда открывается предъ ними его невинность, то они, какъ бы стыдясь прежнихъ своихъ ошибокъ, стараются навлечь на страдальца новыя обвиненія, дабы продолжать его мученія и заглушать укоризны совѣсти, толь ощутительныя и поразительныя за тѣ притѣсненія, которыя они до селѣ ему причиняли. — Давно ли перестали падать

(6) Въ одной Нѣмецкой книгѣ съ чрезвычайнымъ жаромъ описано, сколь много Христіянъ погибло чрезъ мнимое чародѣйство Іудеевъ. — Адскій вымыселъ для простыхъ! — Но сколько крови стоила сія выдумка въ прежнія времена! —

главы невинныхъ чадъ Іизраиля подъ мечемъ гнусной клеветы, обвинявшей ихъ съ непреодолимою увѣрительностію въ употребленіи крови Христіянской во время ихъ праздника называемаго *Песахъ* (пасха?)

Человѣколюбивые Россы! — вы бы содрогнулись изъ глубины добрыхъ сердецъ вашихъ, естьли бы видѣли дѣйствіе онаго ужаснаго обвиненія, котораго безъ трепета не могутъ вспоминать *Іудеи*, бывшіе самовидцами напрасной гибели своихъ единоплеменниковъ. Не однажды въ младенчествѣ моемъ слезы мои смѣшивались со слезами матери моей, разсказывавшей мнѣ съ горестію о тѣхъ ужасныхъ происшествіяхъ сокрушавшихъ сердце народа. Всему Свѣту почти извѣстно, сколь много тысящей жертвъ стоило сіе напрасное обвиненіе.

Помянутый Праздникъ *Песахъ* есть тотъ, въ который Іудеи вспоминаютъ

время изхода ихъ Праотцевъ изъ Египта, время, которое они почитаютъ памятникомъ первой Эпохи своего вольнаго бытія. Въ сей Праздникъ они мысленно пріемлютъ участіе въ радости ихъ Праотцевъ.

Благородныя чада Сѣвера! — кроткіе Монархи ваши научили васъ взирать спокойнымъ и безпристрастнымъ окомъ на обряды Богослуженія различныхъ народовъ подъ щитомъ вашимъ живущихъ, на ихъ различныя веселости, составляющія ихъ счастіе, — и вы не нарушаете сего! — Но въ тѣ времена еще Іудеи не имѣли счастія быть подданными Россіи, въ тѣ времена ненависть, сія Адская фурія успѣла увѣрить многихъ, якобы Іудеи въ день онаго Празденства имѣютъ надобность въ семъ ужасномъ злѣ. — Тогда то легковѣрные и скудоумные нащены были коварными и злокозненными душами подбрасывать ночью мертваго и

изуродованнаго младенца подъ нѣкоторый домъ Іудеянина, каковой злобѣ угодно было назначить. На другой день по утру тотъ домъ окружается толпою народа, требующаго мщенія. Извлекаютъ самымъ презрительнымъ и насильнымъ образомъ изъ среды неповиннаго семейства посѣдѣвшаго старца; берутъ Раввина (законоучителя) и самихъ почтеннѣйшихъ изъ Евреевъ; на конецъ безъ дальняго изслѣдованія, не принимая отъ страдальцевъ ни какого оправданія, производятъ надъ ними жесточайшія казни. — Дѣти лишаются отца, жена мужа, братъ брата; .... Мѣсто радости и веселія, каковыми уповали они наслаждаться въ сіе время, заступаютъ плачъ, рыданіе и уныніе. Такимъ образомъ послѣ, какъ наступалъ сей Праздникъ, каждый изъ нихъ былъ обьятъ ужасомъ, не случится ли таковое подобное несчастіе надъ его домомъ. Но когда сей страшный жребій оканчивался, и нѣсколько изъ гонимыхъ

послужили жертвою ярости обманутыхъ и Адской радости преданныхъ злоумышленниковъ: то прочіе съ сокрушенными сердцами почитали себя на сей годъ уже безопасными. — Какая горестная отрада! — какое скорбное успокоеніе!

Блаженныя памяти Король Польскій Августъ Понятовскій, Государь человѣколюбивый и благоразумный, воспрепятавъ отъ таковыхъ противныхъ человѣчеству наглостей, прекратилъ оныя своею мудростію. — На конецъ уже перестали находить убитыхъ младенцевъ подъ домами Еврейскими, и сіе еще болѣе доказало нелѣпость прежнихъ навѣтовъ. — Единая могущественная десница Россійской ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКОЙ могла облегчить участь сего народа, бывшаго прежде игралищемъ своевольствъ. — Подъ мирнымъ кровомъ Россійской Державы гонимые Рокомъ, отдохнувъ отъ прежнихъ утѣ-

сеній, начинали чувствовать во всемъ
пространствѣ прежнія свои бѣдствія,
коихъ воспоминаніе до селѣ исторгаетъ
изъ ихъ очей цѣлые потоки слезъ. —
Увы! когда уже кончились пораженія, те-
перь начинаютъ они чувствовать боль
своихъ ранъ, которой прежде въ страда-
ніи своемъ, подобномъ горячкѣ, не могли
ощущать! — (7)

---

(7) Извѣстно, что Еврейскій народъ въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ былъ вездѣ притѣсняемъ, будучи изгнанъ изъ Гишпаніи, Франціи, Португаліи . . . . Въ Польшѣ онъ былъ угнѣтаемъ до присоединенія оной къ Россіи. И до какого же уничиженія тамъ онъ дошелъ! — Даже дѣти учащіяся въ школахъ имѣли нѣкоторые назначенные дни, въ которые они нападали на Евреевъ и на домы ихъ, били, и ругали безъ пощады, не уважая даже старцевъ. Сіи дни назывались у Евреевъ (шилеръ гелауфъ) т. е. школьные набѣги, во время коихъ Іудеи уже укрывалися, и не торговали. — Въ нѣкоторыхъ городахъ опредѣленные уже съ Россійской сто-

Ахъ! Христіяне! — вы, которые живете съ ними вкупѣ, вы должны вѣдать, что для нихъ добродѣтель такъ же священна, какъ и вамъ; — примѣчайте токмо! — Но какимъ окомъ вы на нихъ взираете? . . . вы ищете въ человѣкѣ Іудея, — нѣтъ; ищите въ Іудеѣ человѣка, и вы, безъ сомнѣнія его найдете. — Примѣчайте только; — вы увидите между ими множество людей, сохраняющихъ свято слово свое; вы увидите множество милосердыхъ, подающихъ рукупомощи бѣднымъ не только своимъ, но и иноплеменнымъ; вы увидите, что многіе изъ нихъ великодушно прощаютъ обиды;

роны Городничіе замѣтили еще такія своевольственныя безпокойствія; но они, имѣя у себя Уставъ благочинія, Учрежденіе о Губерніяхъ и Штатную Команду, прекратили оныя; нѣсколько школьниковъ засажены были въ тюрму; а Евреи въ первый разъ увидѣли, что быть жестокимъ не есть долгъ Христіянина.

вы увидите въ нихъ благодарность, воз-
держность и почитаніе старцевъ; уви-
дите такъ же, съ какимъ чувствованіемъ
обожаютъ они тѣхъ людей изъ иновѣр-
цевъ, которые съ ними поступаютъ ми-
лостиво, и имъ благодѣтельствуютъ —
и съ какимъ благоговѣніемъ вспоминаютъ
они Государя. Лессингъ прекрасно на
сей разъ изъясняется: (8) „Не ужели
„Христіянинъ и Іудей суть прежде Хри-
„стіянинъ и Іудей, нежели человѣкъ? —“
Я не сомнѣваюсь, что между вами нахо-
дится множество такихъ, которые имѣя
сношенія по дѣламъ съ Іудеями, были
свидѣтелями великодушныхъ ихъ поступ-
ковъ и благодарственныхъ чувствованій;
горе! горе только то, что ни кто тако-
выхъ примѣчаній не открываетъ! — А
ежели и случилось кому замѣтить въ
нѣкоторыхъ изъ нихъ что ни будь про-
тивное: то по сему еще не можете

(8) См. Nathan der Weise.

судить обо всѣхъ вообще, равно, какъ я видѣвъ много развратныхъ между Христіянами, не могу подобнымъ образомъ судить обо всѣхъ единовѣрцахъ ихъ.

Я вамъ еще осмѣливаюсь сказать: естьли вы замѣтили въ нѣкоторыхъ приближенныхъ къ вамъ Евреяхъ развратность; то осмотритесь и не огарчайтесь что скажу: — не вы ли, можетъ быть, сами тому причиною? — Извините и Іудеямъ, естьли произведенныя надъ ними чрезъ нѣсколько вѣковъ мученія произвели въ нихъ и о Христіянскихъ народахъ невыгодное мнѣніе. — Можетъ быть Еврей честныхъ правилъ и не станетъ приближаться къ вамъ, но ищетъ удаляться, такъ какъ Американцы убѣгали Гишпанцевъ? — Въ приближенныхъ къ вамъ вы по большой части не видите образа настоящаго Іудеянина, а только развращеннаго. — Осмотритесь прилѣжно, говорю, можетъ быть вы сами покровительствуете ихъ наглостямъ? . . . И

такъ вы живете съ Народомъ, не зная сердца онаго. — Кленусь, что Іудей, сохранящій чистымъ образомъ свою Религію не можетъ быть злымъ человѣкомъ, ни же худымъ гражданиномъ! ! !

Далѣе простру вопль моего пламенѣющаго сердца. Исповѣдуемая Іудеями Религія безвредна всякому гражданству. Сіе очень ясно можно видѣть изъ того, что во многихъ благоустроенныхъ Державахъ оная не запрещается. Главный смыслъ сей Религіи заключаетъ въ себѣ то, что каждый человѣкъ, какой бы вѣры онъ ни былъ, способенъ къ достиженію совершенства, хотябъ и не былъ свѣдущъ въ обрядахъ Еврейской Религіи, которые, по системѣ оной, установлены Богомъ токмо для Евреевъ въ воспоминаніе обѣта совершившагося между ими въ пустынѣ Хоривской. (9) Въ преданіяхъ же

---

(9) См. Мендельсоновъ Іерусалимъ.

Не оспоримо, что нравы народовъ различны, и что каждый имѣетъ особенныя нравственныя склонности. — Но не могу признать, что бы сіи склонности были народу врожденны. Не уже ли Натура производитъ людей уже прилѣпленными къ таковымъ вещамъ, коихъ прелесть зависитъ только отъ предразсудковъ? —

„ изслѣдуема святость его. Онъ есть предвари„тель всякаго существа сотвореннаго; первый „безъ предыдущаго; сей Господь всего Міра по„казуетъ величіе и владычество свое всякому „творенію. Часть предвѣденія своего даровалъ „онъ мужамъ удостоеннымъ его любьви и лѣ„поты. Не возсталъ въ Іизраилѣ подобный „Мойсею Пророкъ и созерцатель его образа. „Богъ далъ истинный законъ своему народу „чрезъ Пророка и угодника своего. Богъ не „преложитъ своего закона и не премѣнитъ его „на другой во вѣки. Онъ проницаетъ, и вѣда„етъ вся наша тайная; предвидитъ конецъ дѣла „еще въ начинаніи онаго. Воздаетъ благодать „мужу по дѣламъ его; вержетъ зло на нечести-

какъ! — человѣкъ родился — и уже понимаетъ, что кусокъ металла можетъ ему доставлять много выгодъ, естьли на немъ будетъ такое изображенiе, коего онъ еще не знаетъ! — Нѣтъ; воспитанiе всему причиною, воспитанiе зависящее отъ расположенiя и привычки тѣхъ, которые даютъ оное, и которыхъ расположенiе зависитъ такъ же отъ воспитанiя. Какая удивительная взаимность! — воспитанiе отъ расположенiя, — расположенiе отъ воспитанiя . . . ! — Какое же начало оной взаимности? — Нѣтъ въ Природѣ дѣйствiя безъ причины и нѣтъ причины безъ дѣйствiя. . . Нравы народовъ образуются чрезъ стеченiе

„ваго по мѣрѣ его беззаконiя; онъ послетъ намъ „въ кончину вѣка помазанника нашего, для ис„купленiя уповающихъ на его спасенiе. Богъ „воскреситъ мертвыхъ по множеству милосер„дiя своего. Да благословенно и препрославлен„но будетъ имя его во вѣки вѣковъ,“

И подлинно, нѣтъ повода имѣть ненависть къ человѣку развратному; наказаніе же преступниковъ не есть дѣйствіе мщенія или злобы; но имѣетъ предметомъ отвращеніе большаго зла. Установленныя для преступниковъ казни необходимы для содержанія общества въ надлежащихъ предѣлахъ спокойствія и тишины; но они сожалѣнія достойны въ противномъ отношеніи. Любезные соотчичи! — облобызаемъ Божественную книгу (15) безсмертныя Государыни ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ IIя, въ которой открывается намъ, что казнь превосходящая мѣру, какая нужна для исправленія, есть тиранская!

Здѣсь мысли мои, такъ сказать, влекутъ меня къ сему вопросу: *можно ли исправить поврежденный нравъ цѣлаго народа чрезъ наказаніе?* — А поелику наказаніе

---

(15) Наказъ для сочиненія проекта новаго уложенія.

исправительное заключаетъ въ себѣ намѣ-
реніе поставить на путь истинны са-
маго наказуемаго: то слѣдуетъ, что при
таковыхъ наказаніяхъ надлежитъ наблю-
дать: 1е, что бы наказуемый зналъ, за
что именно онъ истязуется; 2е, что
бы ни кто безвинно ни по какимъ слу-
чаямъ не могъ подпасть наказанію, дабы
не стали почитать оное послѣдствіемъ
другихъ обстоятельствъ, а не преступ-
ленія и 3е, что бы таковое наказаніе
не было долговременно, дабы тотъ, коего
желаютъ исправить чрезъ навыкъ не здѣ-
лался нечувствительнымъ къ оному. (16)

---

(16) Извѣстно, что болѣе воображеніе, нежели су-
щественность имѣетъ вліяніе на нашу чувствен-
ность. — Ударъ самъ по себѣ не столько му-
чителенъ, какъ страхъ онаго. — Кто желаетъ
держать слугу въ всегдашнемъ послушаніи;
тотъ долженъ его за неисправности болѣе на-
казать угрозами, нежели самимъ дѣломъ; а еже-
ли уже и наказывать: то не долго; ибо коль

И такъ, кажется, ни коимъ образомъ не возможно исправить испорченнаго нрава народа чрезъ налагаемое на него вообще наказаніе; нѣтъ; конечно, нѣтъ. — Ибо *во первыхъ*, какъ испорченный нравъ народа производитъ не одинаковыя преступленія во всѣхъ людяхъ составляющихъ оный, но разныя: то и не извѣстно будетъ ни кому, за что онъ именно наказуется. *Во вторыхъ* не льзя, что бы въ цѣломъ народѣ не находилось множества людей невинныхъ; и по тому наказаніе простирающееся на всѣхъ вообще со всѣмъ противно тому намѣренію, для

скоро онъ испыталъ довольно побоевъ: то уже прощай Господинъ! — Однакожъ должно вѣдать, что въ извѣстныхъ случаяхъ, гдѣ должно кого подвергнуть стыду, изверженіе однаго человѣка изъ цѣлаго общества, есть самое лучшее исправительное наказаніе, хотя оно и бываетъ долговременно. — Трудно человѣку быть одному на свѣтѣ, нося еще на сердцѣ общее презрѣніе.

тьму случаевъ, что бы приписать имъ претерпѣваемыя бѣдствія, а между тѣмъ ни когда не узнаетъ настоящей причины оныхъ.

Цѣлый народъ не станетъ оправдывать своего истязателя, но оправдывая себя по врожденному самолюбію, почитать будетъ его только мучителемъ. Суевѣріе конечно можетъ преодолѣть своего внезапнаго разителя столько же чрезъ упорство, сколько благочестіе или великодушіе презираетъ своего мучителя чрезъ терпѣніе. – Искаженные нравы цѣлыхъ народовъ не могутъ иначе исправиться, какъ посредствомъ отнятія причинъ произведшихъ превратность въ оныхъ. . . . .
. . . .

Въ то самое время, когда сердца всѣхъ Европейскихъ народовъ между собою сблизились; когда уже слились въ едино,

народъ Еврейскій еще видитъ себя презираема! — Быть презрѣннымъ: — сего не довольно! — о! — мученіе превосходящее всякую горесть на Свѣтѣ! — о мученіе, мѣры котораго ни одинъ смертный изъяснить не можетъ! — Естьли бы громы, вѣтры, бури и шумное превolненіе Океяна смѣшиваясь съ воплемъ человѣка презрѣннаго составили единый гласъ: то развѣ бы тогда уже такой ужасный вопль могъ выразить великость страданія онаго. Я чувствую всю тяжесть сего мученія, и прошу облегченія... Имѣя сердце сокрушенное, и находясь въ крайнемъ отчаяніи, я взываю къ всѣмъ чувствительнымъ и сострадательнымъ: *что бы такое ни было, за что осуждается цѣлый мой народъ на презрѣніе; но буде находится хотя одинъ невинный: то участь его не столь же ли достойна пощады человѣколюбивыхъ, какъ и цѣлаго народа?* — Такъ я вѣщаю въ пламенномъ изступленіи своемъ; — но знаю, что многія ты-

сящи находятся таковыхъ неповинныхъ. Насъ опасаются, — какое мечтательное опасеніе! — бывалъ ли когда такой примѣръ, что бы какое нибудь Государство пало чрезъ Іудеевъ. — Англія — Англія, гдѣ Іудеи ни чемъ не различаются отъ прочихъ тамошнихъ гражданъ, находится на самомъ вышнемъ степени цвѣтущаго состоянія. . . Голандія, Данія и . . . . гдѣ неоспоримые опыты доказали уже сію истинну. — Вопросите безпристрастныхъ путешественниковъ! — они скажутъ, какіе благонравные и благоразумные Евреи находятся въ тѣхъ просвѣщенныхъ Государствахъ, гдѣ уважаются ихъ права. . . . .

Благородные Россіяне! — дѣянія ваши чрезвычайны; величіе подвиговъ вашихъ уменьшаетъ, или совсѣмъ уничтожаетъ уныніе побѣжденныхъ вами народовъ. Никому не постыдно быть вамъ покореннымъ, вамъ превышающимъ самый Рокъ.

Когда вы повелѣваете Року, — и Рокъ опускаетъ долу тяжкій и страшный свой жезлъ: то велите ему, да престанетъ онъ гнать народъ Іудейскій! — Вѣдаю, что перемѣнить сердца и мысли есть дѣло труднѣйшее въ Свѣтѣ и требующее, можетъ быть, столѣтняго труда: но вѣдаю и то, что предпріятія Россіянъ имѣютъ всегда быстрѣйшіе и почти неимовѣрные успѣхи. Духъ Сѣвера взыскуетъ великихъ дѣлъ, и такъ да утвердитъ онъ новую и блистательную Эпоху, перемѣнивъ образъ мыслей объ униженной и слезящей дщери Іизраиля! —

Тако вопіяла печальная дщерь Іудейская, — отирала слезы, — воздыхала, — и была еще неутѣшима.

СОБЕСѢДОВАНІЕ

между

Синат-Гадатомъ, Эметомъ и Шалумомъ. (*)

Какое сіе страшное чудовище, которое сюда приближается? — Это извергъ земныхъ племенъ, извергъ общест[illegible]а, извергъ законовъ. Видъ на немъ угрюмый и безобразной. — Кажется, съ самаго начатія Религіи бразды древности уже написаны

(*) Подъ именемъ *Синат-Гадата* означается нетерпимость,
— —— *Эмета* — истинна,
— —— *Шалума* — терпимость или миролюбіе.

на его челѣ. Сей извергъ носитъ въ одной рукѣ ужасный мечъ обагренный кровію; а въ другой жезлъ, имѣющій волшебную силу, что бы производить между обитателями земнаго шара непримиримые раздоры. — Съ смущеніемъ скитаяся по лѣсамъ въ предѣлахъ Европы, ропщетъ онъ съ негодованіемъ: — „горе! горе мнѣ!“ возопилъ онъ; „я долженъ оставить сію страну; меня гонятъ, утѣсняютъ и не даютъ пристанища. —“ Онъ осматриваетъ свой жезлъ и мечь; и съ Адскимъ гнѣвомъ бросаетъ сіи орудія далече отъ себя; — „къ чему, паки возопилъ онъ, къ чему вы служите мнѣ? — гдѣ ваша волшебная сила? — Всесильная мудрость ЕКАТЕРИНЫ IIй, ФРИДРИХА IIго и ІОСИФА IIго обратила въ ничто всю вашу очаровательную силу. —“ Но какъ нарицается сей извергъ? — *Синат-Галатъ!* — О! достоинъ онъ имени чудовища, изверга и мучителя! — Куда онъ обращаетъ свирепые взоры свои? —

Онъ видитъ *Эмета*, и не можетъ удержаться, чтобъ не оскорбить его нѣкіими укоризнами и суесловіями. —

Бѣдный *Эметъ* облеченный въ черное вретище съ распущенными желтыми власами тамо въ дали стоитъ, опершись на одно древо, и неутѣшимо сѣтуетъ. —

Синат-Гадатъ подходитъ къ нему съ неистовствомъ и вопіетъ: — соперникъ! — ты всегда роптałъ на меня, яко бы ты притѣсняешься отъ почитающихся сынами *Шалума* по той причинѣ, что будь то бы я вдыхалъ въ нихъ къ тебѣ ненависть; но теперь видишь, что они же самые почти отогнали меня отъ себя; однако при всемъ томъ они не любятъ тѣхъ сирыхъ и безпомощныхъ, которыхъ ты силишься покровительствовать. Видно, что сіи несчастные сами причиною той ненависти, которую къ нимъ имѣютъ первые, а не я. Они упре-

каютъ уже нынѣ ихъ въ такихъ дѣлахъ, которыя ни какого отношенія не имѣютъ ко мнѣ.

Еметъ (отвращая отъ него взоры) Не растравляй ранъ моихъ, которые ты, злобная тварь, причинилъ мнѣ своими ядовитыми пораженіями. — Скажи мнѣ, не ты ли возжегъ пламень распри между сими племенами? . . .

Синат-Гадатъ. Но теперь и изъ моихъ послѣдователей содѣлались сыны *Шалума*; теперь уже они не повинуются мнѣ. Строгіе уставы покровительствуемыхъ тобою сиротъ удаляютъ ихъ отъ прочихъ племенъ; хитрости ихъ въ сисканіи пропитанія навлекли на нихъ все то омерзѣніе, въ которомъ ты меня напрасно обличаешь.

Еметъ. (Обратя къ нему проницательной взоръ.) Ясно вижу, что ты столько же безуменъ, сколько и злобенъ. Сіе при-

мѣчаніе происходитъ болѣе изъ вражды, доставшейся, такъ сказать, въ наслѣдство, нежели изъ самой вещи. Но ежели и находится нѣкоторое число таковыхъ, которые подвержены такимъ слабостямъ; то скажи мнѣ, что побуждаетъ человѣка прибѣгать къ хитростямъ? — Не несчастіе ли и недостатокъ? — Человѣкъ довольный не прибѣгаетъ къ тонкостямъ требующимъ многихъ трудовъ, которыхъ безъ сильныхъ побудительныхъ причинъ ни кто не употреблетъ. Мы видимъ множество примѣровъ, до чего доводитъ недостатокъ въ естественныхъ нуждахъ даже самыхъ несмысленныхъ животныхъ, которыя въ таковыхъ случаяхъ измѣняютъ Натурѣ своей. —

Синат-Галатъ (злобно.) Я не понимаю твоихъ словъ. — Ты знаешь, что я не имѣю отличнаго разума. — Растолкуй мнѣ яснѣе!

Эметъ. — Смотри, врагъ человѣчества, что ты учинилъ! — Ты возбудилъ въ сынахъ *Шалума* ненависть къ покровительствуемымъ мною сирымъ, коихъ они лишили всѣхъ гражданскихъ правъ, отняли всѣ средства къ пропитанію, чрезъ нѣсколько вѣковъ гнали, проливали ихъ кровь, словомъ: довели ихъ до такой крайности, что они принуждены были употреблять разнаго рода уловки и хитрости, дабы снискать себѣ пропитаніе. — И такъ почитающіеся сынами *Шалума* испортивъ нѣкоторымъ образомъ безпомощныхъ сиротъ, нынѣ по изгнаніи твоемъ не въ силахъ уже исправить сего урона безъ особливыхъ трудовъ; — (съ воплемъ) какое мученіе! . . .

Синат-Галатъ (въ великомъ огорченіи бѣжитъ скоро съ мѣста, увидѣвъ приближающагося къ нимъ *Шалума*, которой прежде сего уже подслушивалъ ихъ разговоры.)

Шалумъ. — (Обнимая съ нѣжностїю *Емета*, восклицаетъ) О любезный другъ! позабудемъ тѣ горести, которыя причинилъ намъ тотъ общій нашъ врагъ (указывая на бѣгущаго *Синат-Гадата;* —) перестань! перестань сѣтовать! — нынѣ приспѣлъ часъ, въ который мы наградимъ весь уронъ, причиненный симъ безумцомъ; употребимъ общіе труды; изкоренимъ его отъ лица земли на вѣки, устроимъ храмъ общаго мира, и благословимъ общаго Отца Свѣтовъ! —

ЧУВСТВОВАНІЕ ВѢРНО-ПОДДАННАГО.

На случай учрежденія по Высочайшему ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I, САМОДЕРЖЦА ВСЕРОССІЙСКАГО повелѣнію комитета о устроеніи Евреевъ на пользу Государственную и ихъ собственную.

Въ то самое время, когда душа моя занята удивленіемъ къ чудесной игрѣ непостижимаго Рока; когда душа моя исполнена неизъяснимаго изумленія къ исполинскимъ и неимовѣрнымъ шагамъ Сѣвернаго народа, шествующаго къ совершенству въ политическомъ и нравственномъ отношеніи; въ то самое время,

когда въ сердцѣ моемъ возгарается огнь благоговѣнія къ именамъ великихъ Монарховъ Россіи, виновниковъ всякаго блаженства; въ то самое время, когда воображеніе мое обьемлетъ дивную перемѣну жребія гонимаго до селѣ народа Іудейскаго, порученнаго нынѣ промысломъ Всевышняго отеческому попеченію кроткаго Генія Россіи, — и воздымающаяся грудь моя дышетъ горячностію къ превыспреннему Вседержителю непреложной цепи судебъ; въ то самое время, когда я ищу разныхъ средствъ, чрезъ которыя бы могъ изьявить внутренній жаръ мой — и не нахожу оныхъ; словомъ, когда я теряюсь въ сихъ размышленіяхъ: — внезапно поражаются всѣ чувства мои новымъ блистательнѣйшимъ предметомъ, блистательнѣйшимъ, неизреченнымъ, безпримѣрнымъ, безсмертнымъ. — АЛЕКСАНДРЪ благотворный обращаетъ человѣколюбивѣйшій взоръ, взоръ животворный, небесный — на

несчастный и разстроенный домъ Іакова, и величественнымъ Жезломъ своимъ помавая, вѣщаетъ: *да исправится* — сіи словеса возникнувъ на высоту Эѳира и облекшись въ огненныя буквы, впечатлѣлись на горнемъ сводѣ въ дивное зрѣлище для всей подсолнечной. — Я содрагаюсь; — невѣдомое пламя восхищенія обьемлетъ меня, — и я внѣ себя! —

А вы горделивые и завистливые чужеземцы; вы ревнуя счастію нашему, не признаете онаго! — Пламенѣющее сердце мое не внемлетъ вашему шуму; — парящій духъ мой выше всѣхъ вашихъ заблужденій, сихъ изчадій чрезмѣрнаго самолюбія и гордыни. — Я вижу льющуюся желчь вашу; но между тѣмъ блаженство мое не престаетъ увеличиваться. — Хотя вы и давно уже просвѣщены, а Россіяне позже васъ; но они ранѣе научились терпимости, нежели вы. Россійская Муза еще млада, но уже толико

нѣжна и благосклонна; что же будетъ, когда она придетъ въ зрѣлый возрастъ и совершенство? — Просвѣщеніе недавно возродилось въ Россіи, но уже въ толикое пришло преспѣяніе, что быстрый полѣтъ ея приводитъ васъ въ изступленіе. Въ такомъ Царствѣ, гдѣ прежде не было ни какого признака терпимости, введено чрезъ краткое время такое благорасположеніе ко всѣмъ племенамъ, котораго вы, при всей древности вашего образованія по днесь еще не имѣете. Вотъ Божественныя творенія приснопамятнаго ПЕТРА и Ангелоподобной ЕКАТЕРИНЫ! падайте ницъ при воспоминаніи священнѣйшихъ ихъ именъ! Слабая кисть изображая ихъ, трепещетъ въ моей длани!

Въ силахъ ли я достойно возвеличить знаменитыя дѣянія чадъ Сѣвера, произведенныя со времени недавнаго ихъ преобразованія? — всѣ воспѣвавшіе славу ихъ

умалили только оную. Патріотическій и Геройскій огнь ихъ подобно небесному въ состояніи бы былъ обратить въ пепелъ весь шаръ земный, естьли бъ того требовала честь и справедливость; трепещите враги Отечества! — Ихъ пламенный духъ въ самой внутренности Государства, будучи мудро расположенъ, производитъ чудесныя пользы. Но нѣтъ! — Я только обращаю взоръ свой на сооруженный Героическимъ подвигамъ Россовъ храмъ славы, храмъ величественный, досязающій даже до Небесныхъ высотъ — ужасъ обьемлетъ меня; я не дерзаю приближаться къ сему святилищу! Однакожъ, никогда, — никогда не престану прославлять тѣхъ благотвореній Россійской Державы, которыми осыпанъ, пренебреженный и оставленный, такъ сказать, на произволъ собственнаго жребія, народъ Іудейскій; которыя запечатлѣлись во глубинѣ моего сердца неизгладимыми буквами, и которыя громко буду возгла-

шать по средѣ народовъ, сколько малó-
мощныя силы дозволятъ мнѣ слабому
смертному.

Іудей уничиженный, бывшій игралй-
щемъ злобы и своевольства, гонимый у-
жасными волнами раздраженнаго Рока
изъ одного края земли въ другой, —
вдругъ увидѣлъ себя лежаща на брегахъ
Россіи. Онъ лежитъ еще бездыханенъ,
какъ вдругъ солнце милосердія уже со-
грѣваетъ его; — тутъ является Боги-
ня — и златыми крылами осѣняетъ зло-
получнаго; — онъ воскресаетъ. — Про-
будясь какъ отъ тягчайшаго сна, онъ ви-
дитъ себя ограждаема Россійскимъ щи-
томъ. — Какой восторгъ! избавленный
несчастливецъ изумляется отъ толь
внезапной благодати Небесъ, и не нахо-
дитъ словъ для изъявленія чувствуемой
имъ признательности; слезы радости
орошаютъ блѣдное лице его. — Прежнее
названіе, учинившееся толико презрѣн-

нымъ и поруганнымъ уже отмѣняется . . . и украшается почтеннымъ нарицаніемъ Еврея. — Невозбранно позволяютъ ему отправлять древнее свое Богослуженіе, за которое до селѣ единственно такъ угнѣтаемо было его сердце. Его уравниваютъ въ правахъ съ прочими гражданами сея благополучныя страны. Его удостоиваютъ занимать мѣсто въ судилищахъ, дабы самъ могъ рѣшить участь своихъ собратій по благословеннымъ законамъ сего, толико кроткаго Царствія. Се великія дѣянія премудрыя ЕКАТЕРИНЫ!

О вы! дщери химеры и безпокойнаго духа, Республики! — по что вы ослѣпляете глаза мнимою вашею вольностію? вольностію стоющею тьмы жертвъ, вольностію влекущею за собою почти непрерывныя возмущенія, вольностію зыблющеюся при малѣйшемъ дуновеніи вѣтра перемѣнчивой судьбы? — Полунощная Держава изобличаетъ васъ. Сердце

мое сжимается, когда воображаю о васъ. Вотъ что я взываю къ вамъ и ко всѣмъ племенамъ земнымъ! Не лучше ли вамъ притечь въ хладный Небо-склонъ, дабы научиться истинной мудрости и неслыханному еще по днесь человѣколюбію?

Когда еще Іудеи воздыхаютъ въ земляхъ Германскихъ, гдѣ обитаютъ народы, славящіеся изъдавна просвѣщеніемъ; когда еще стѣсненные страдальцы пресмыкаясь, орошаютъ ограды Имперской депутаціи въ Регенсбургѣ, прося пощады и свободы пользоваться правомъ собственности, правомъ подданнаго, правомъ человѣка, правомъ природы; . . . тогда уже Геній Сѣвера, АЛЕКСАНДРЪ благотворный, изливъ на подданныхъ своихъ великую мѣру щедротъ своихъ, учреждаетъ еще Комитетъ, чтобъ возвести и сіе, до селѣ воздыхающее племя, въ своей Державѣ на вышнюю степень благосостоянія. — Обитатели земнаго шара!

не приводитъ ли сіе васъ въ удивленіе?
но нѣтъ; это еще не все. Сей Самодер-
жецъ, имѣющій самовластное право рас-
полагать участію своихъ подданныхъ,
соизволяетъ еще вызвать депутатовъ
изъ сихъ самихъ вѣками и другими наро-
дами уничиженныхъ несчастливцевъ для
обьясненія своихъ нуждъ.

О собратія мои, чада Іизраиля! —
имѣемъ ли столько способности, столько
силъ, имѣютъ ли смертные, говорю,
столько духа, что бы изьявлять ту при-
знательность, которую мы должны чув-
ствовать къ безсмертной Монархинѣ
Сѣвера и всего паче къ сему вожделѣн-
ному, кроткому и снисходительному
Владыкѣ? — О праотцы наши, претер-
пѣвшіе разныя гоненія въ различныя вре-
мена! о жертвы мучительныхъ предраз-
судковъ! возстаньте изъ гробовъ своихъ,
сравните дни ваши съ нашими, изуми-
тесь и сорадуйтесь нашему блаженству! —

Можетъ быть тамъ на лонѣ Божества научились вы Ангельской мудрости, научите и насъ скудоумныхъ, какъ воздавать долгъ толико священной, толико пламенной благодарности, или соедините молитвы ваши съ нашими къ Всевышнему, да низпошлетъ онъ Божественную свою силу душамъ нашимъ къ выраженію огня чувствій нашихъ къ толико прославляемому благотворителю рода человѣческаго! —
